

ГЛАВА 1

Мы шли по самому опасному участку Эвереста ночью. Беспорядочный ледопад¹, через который мы с трудом пробирались, уходил вверх на 600 с лишним метров по вертикали на участке длиной всего около полутора километров, которые мы прошли от Базового до Первого лагеря. ПиКей Шерпа² — Пасанг Ками Шерпа жил в деревне Форцзе, и все называли его ПиКей — и я пробирались между тысячами покосившихся ледяных столбов, бесконечным потоком сползавших вниз по склону, кувыркаясь и разбиваясь на ходу.

¹ Имеется в виду ледопад Кхумбу одноимённого ледника, стекающего с южных склонов Эвереста. Ледопад расположен на высоте 5486 м на склонах горы Эверест, обращённых в Непал. Через него начинают восхождение по классическому пути через Южное седло, причём ледопад является самым опасным участком маршрута, так как постоянно находится в движении и там часто происходят ледовые обвалы (*Здесь и далее — Прим. пер.*).

² ПиКей Шерпа (*PK Sherpa*) — рабочий псевдоним профессионального проводника народности шерпа, его полное имя — Пасанг Каджи Шерпа (*Pasang Kaji Sherpa*). Непальский высокогорный проводник-фрилансер, востребованный эксперт по высокогорным киноэкспедициям. Профессионал с более чем 15-летним опытом работы. Совершил успешные восхождения и руководил экспедициями по подъёму на самые высокие вершины на Земле, включая четыре восхождения на Эверест, Чо Ойю и Манаслу. Обладает передовыми знаниями и опытом работы с высокогорными съёмочными группами в условиях высоты более 8000 м. Пасанг сотрудничает с ведущими мировыми брендами, включая *Google*, *Under Armour*, *National Geographic Middle East* и *Qatar Television*. В межсезонье Пасанг проводит обучение молодых альпинистов в рамках непальской Ассоциации альпинизма. В 2016 году Пасанг сотрудничал с ООН в качестве эксперта-консультанта по альпинизму для армии Непала, чтобы минимизировать риск в условиях высокогорья. Пасанг страстно увлечён своим делом и с удовольствием помогает другим альпинистам.

Из-за темноты пробираться сквозь постоянно шевелящийся ледяной лабиринт было труднее. Но глубокий ночной холод замедлял смещение ледника Кхумбу, что уменьшало риск вызвать обрушение на нас ледяных стен или оказаться погребёнными под лавинами. По крайней мере, мы на это надеялись.

Я изо всех сил старался быстрее преодолеть ледопад Кхумбу, но мог лишь неуклюже карабкаться вверх по склону, словно усталый старый як. Всякий раз, когда я останавливался, ноющие мышцы бёдер получали короткий отдых, но уже через несколько шагов скорость моего движения снова снижалась. Несмотря на то что я был в самой лучшей физической форме за всю свою жизнь альпиниста, обессиленные от недостатка кислорода ноги просто не способны были шевелиться быстрее в сильно разрежённом воздухе на высоте 5790 метров.

Шли первые сутки восхождения на Эверест, а от хаотичного ландшафта и сомнений в себе меня уже переполняла неуверенность. До Первого лагеря оставалось ещё несколько часов подъёма, и мы углубились в ледопад.

Свет налобных фонарей отражался от блистающих ледяных стен. Тени танцевали вокруг, от чего то и дело казалось, что ледяные глыбы начинают двигаться. Примерно половина остальных пятнадцати альпинистов и пятнадцати шерп из нашей команды уже ушли вперёд по запутанному ледопаду; остальные следовали за нами. Проводник из Непала сопровождал каждого члена команды. Большинство проводников, нанятых нами, были по национальности шерпами, но некоторые из них относились к другим этническим группам вроде бхоте¹. Каждый несколько минут дрожащий свет налобного фонаря отмечал путь впереди.

Хотя ночь скрывала часть опасности, нас окружали злоеющие доказательства непрочности ледника. Луч моего налобника выхватил небольшой провал в снегу, намекавший на скрытую под ним расщелину. Во многих местах снежные мос-

¹ Бхоте (или бхот, бхотия, бхутия, букв. — тибетцы) — название различных этнических групп тибетского происхождения или культуры в Южной Азии (южные склоны Гималаев), реже в самом Тибете.

ты осыпались и превратились в открытые дыры. Мы прошли мимо нескольких зияющих провалов, обрывававшихся в глубь ледника почти на сорок метров.

За двадцать три года до этого, когда я спускался с ледника на горе Рейнир¹ в Соединённых Штатах, у меня под ногами рухнул снежный мост. Я тогда провалился в огромную глубокую расщелину. Теперь каждая ледяная трещина, через которую я переступал, каждая гигантская пропасть, которую мы огибали, напоминали мне о случившемся тогда. И о том, что подобное может произойти и сейчас.

* * *

Приближение рассвета раскрасило чёрно-белый мир вокруг нас. Сначала ледник Кхумбу окрасился в пурпурный. Становящийся всё ярче, дневной свет изменил цвет облаков, из тёмных они стали светло-серыми, а внутри ледникового льда начали проблёскивать морозные синеватые оттенки. Когда настолько посветло, что впереди я уже мог ясно рассмотреть тёмно-красные части рюкзака ПиКея, я выключил налобник. Мы продолжали двигаться вдоль тонкой альпинистской верёвки, закреплённой вдоль маршрута. Намеченная линия обозначала путь через ледовый лабиринт и служила страховочной верёвкой, к которой мы пристёгивались.

Маршрут под углом уходил влево, почти вплотную прижимаясь к западному склону Эвереста. ПиКей начал подниматься быстрее и спешил, то и дело щёлкал карабином, пристёгивая и отстёгивая его от страховочной верёвки. Перешагнув через открытую расщелину, он ухватился за закреплённую нейлоновую верёвку, вскарабкался на шесть метров вверх по ледовому пандусу и исчез за ним. Вместо того чтобы, как обычно, на минуту остановиться и проверить, следую ли я за ним и всё ли у меня в порядке, он даже не оглянулся. Я заторопился за ним, грудь болела от разрежённого воздуха. В каждом вдохе было меньше половины кислорода, который я вдыхал бы на уровне моря. Через пару

¹ Рейнир — стратовулкан в штате Вашингтон в 88 км юго-восточнее Сизла. Высота над уровнем моря — 4392 метра, это высочайшая точка Каскадных гор.

минут я увидел, что ПиКей поджидает меня у одного из якорей, которыми крепились страховочная верёвка. Чуть только я подошёл, он заговорил.

— Быстрее. Очень плохое место.

Всё ещё задыхаясь, я не мог ему ответить. Вместо этого я кивнул и рукой в перчатке показал вперёд. ПиКей сорвался с места и помчался дальше ещё быстрее. Я подумал, что мы, должно быть, недалеко от района прошлогодней катастрофы¹.

Год и неделю назад, утром 18 апреля 2014 года, в этой части ледопада погибли шестнадцать горных проводников-непальцев. Ледяная глыба размером с десятиэтажное здание сорвалась с ледового барьера в 300 метрах у них над головой. Устремившись вниз, громадная ледовая бомба разлетелась на множество твёрдых, как камень, осколков. Обломки льда рухнули вниз с ледопада и похоронили людей.

Позже картограф *National Geographic* сравнил спутниковые фотографии этого района до и после лавины. Он определил, что вниз скатилось около пятнадцати тонн ледовых обломков. За двое суток рискованных поисково-спасательных работ удалось обнаружить тринадцать тел, но найти остальные так и не вышло. Трое мужчин так остались погребёнными во льду, и сейчас они где-то у нас под ногами.

Я взглянул вверх через левое плечо и увидел белые подбрюшья нескольких ледовых полей, нависающих над нами на высоте сотни этажей. Одно из этих полей виновно в случившемся тогда.

Размышляя о погибших и их семьях, я хотел было остановиться и почтить их память. Однако даже секундное промедление способно дать гравитации шанс обрушить на нас целый ледовый небоскрёб. Я изо всех сил спешил следом за ПиКеем, и в висках у меня стучал пульс.

Прозрачные, словно из тюля, облака разошлись, и впереди показался хребет высотой 7500 метров. Эта длинная каменная стена с самого рассвета отбрасывала на нас ледяную тень. Но теперь солнце поднялось над гребнем хребта,

¹ Автор имеет в виду катастрофу 8 апреля 2014 года, когда как раз на ледопада Кхумбу произошёл сход лавины, в результате которого 16 человек погибли и 9 получили ранения.

облака поредели, и утреннее солнце пробилось сквозь них. С каждой минутой солнечное тепло ослабляло крепость ледовых полей, нависавших у нас над головой, согревало ледник, стекавший по склону у нас под ногами. Надо было двигаться быстрее.

Я пересёк заснеженный карниз, ступая по следам ботинок прошедших впереди альпинистов. Металлические шипы кошек скрипели, впиваясь в твёрдый снег. Поднимаясь, я продвигал карабин страховочного троса вдоль зафиксированной верёвки. Эти общие для всех верёвки и якоря установила в начале месяца храбрая и опытная команда шерп, известных как *Icefall Doctors*¹. Перешагивая через открытую расщелину, я видел, как чернильная бездна под ногой уходила далеко внутрь. Мы шли среди глыб, словно муравьи, ползущие по рыхлой куче из кубиков льда.

Двигаясь вдоль закреплённой верёвки, я свернул в узкий туннель и очутился в нише, с трёх сторон окружённой вертикальными ледяными гранями. Гладкие стены и угловатая форма этой ниши показались мне необычными. Когда я учился на геолога, у нас был курс гляциологии². Я рассмотрел этот ледяной альков более пристально, и мне показалось, что пол в нём необычайно ровный, хотя его и покрывал толстый слой ледяных обломков. Я надавил ботинком на рыхлое крошево и почувствовал, как легко подались под ногой острые мелкие куски льда — они ещё не смёрзлись. Всё это только что сформировалось. Мы стояли в месте, где буквально только что образовалась ледяная пещера.

ПиКей и двое других альпинистов, с которыми я был незнаком, стояли, глядя снизу вверх на высоченную алюминиевую лестницу. Проследив за их взглядами, метрах в десяти над нами я увидел альпиниста из другой команды. Он поднимался по изогнутой лестнице медленно и неуклюже. Мы оказались вынуждены сделать длительную остановку в зоне активного обрушения.

¹ *Icefall Doctors* — команда шерп-профессионалов, которая занимается установкой лестниц через ледопад Кхумбу.

² Гляциология — наука о природных льдах во всех их разновидностях на поверхности Земли, в атмосфере, гидросфере и литосфере.

Я стоял рядом с ПиКеем. Когда он оглянулся на меня, я заметил на его смуглых щеках красные следы солнечно-го ожога, результат трёх недель, которые мы провели на большой высоте. Его рот хмуро кривился, сжался в хмурый взгляд, он с досадой покачал головой. Желая уточнить у ПиКея, надо ли и нам тоже идти медленно, я заговорил на ломаном непальском:

— *Bistare janne, ho?*¹

— *Ho*², — подтвердил он.

Хоть я и нервничал из-за того, что мы стояли там, передышка пришлась очень кстати. Я делал глубокие вдохи и старался замедлить сердцебиение. Неуклюжий альпинист наверху, наконец, освободил лестницу, и следующий начал подъём. Мы ждали.

Я сдёрнул правую перчатку и сунул её под толстую куртку, чтобы сохранить в тепле. Затем прижал два голых пальца к левому запястью. Кончики пальцев ощутили, как резко подрагивает кожа над артерией. Два удара в секунду. Даже после передышки сердце у меня билось с частотой 120 ударов в минуту. Пульс в состоянии покоя был в три раза чаще, чем дома в Колорадо.

Несмотря на то что меня мучила жажда, не хотелось возить-ся со снаряжением, когда придёт мой черёд лезть по лестнице. Я расстегнул молнию на нагрудном кармане куртки и вытащил батончик *Hershey's*. Развернув замёрзшую шоколадку, я отломил половину и предложил её ПиКею. Как обычно, он вежливо отказался. Но когда я, как предписывает обычай, трижды повторил приглашение, он согласился взять угощение.

— Спасибо, Джим-дай.

В свои двадцать пять лет ПиКей был примерно вдвое моложе меня. Обращаясь ко мне, он часто добавлял к имени уважительные непальский термин «дай» — старший брат. Мы жевали и то и дело поглядывали через левое плечо на ледяные барьеры, сверкавшие всё ярче по мере того, как на них попадали лучи солнца.

Когда подошла очередь ПиКея, он полез вверх. От его ритмичных движений шаткая лестница закачалась, так что я на-

¹ Медленно идти, да? (непальск.).

² Да (непальск.).

тянул обратно правую перчатку и ухватился за боковые поручни, придерживая лестницу. Как учил меня малярному делу отец четыре десятка лет назад, я прижимал носки ботинок к нижней части лестницы, выравнивая её. ПиКей замедлился наверху, но вскоре преодолел стенку и ступил на плоский лёд. Потом он развернулся, помахал мне рукой и ухватился за верхнюю перекладину.

Ещё раз посмотрев вверх, я заметил, что лестница изогнута вправо, огибая выступающую ледяную глыбу. Верхний край был вовсе не над её основанием. Обеспечивая проход через стену, шесть неточно состыкованных друг с другом секций лестницы были связаны конец в конец старым, выцветшим альпинистским шнуром.

Я прищёлкнул жумар¹ к натянутой вертикально страховочной верёвке. Мне показалось, что лучше всего будет подниматься не столько быстро, сколько плавно. Сначала я провёл правый жумар вверх по верёвке, а левой рукой ухватился за перекладину над головой. Подняв ногу в тяжёлом ботинке на первую ступеньку на уровне голени, я полез вверх.

Поставив второй ботинок выше первого, я остановился и сделал два глубоких вдоха. Потом ещё раз, и так получился вполне эффективный ритм. Каждые несколько шагов кошки из нержавеющей стали, пристёгнутые поверх альпинистских ботинок, боком скользили по алюминиевым перекладинам. Скрежет металла о металл эхом отдавался от стен ниши.

Пока я поднимался выше, ненадёжная конструкция крепилась и прогибалась. Теперь-то я понял, почему другие лезли так неловко. Внизу была видна наполовину скрытая расщелина вдоль основания ледяной стены. От края провала до одной из ножек лестницы было меньше тридцати сантиметров. Я двигался медленнее, но по мере продвижения вверх лестница, недостаточно сбалансированная и устойчивая,

¹ Жумар — элемент снаряжения альпинистов, спасателей и пр., применяется в верёвочной технике для подъёма по вертикальным перилам. Это механический зажим кулачкового типа. Создатели жумара в современном варианте — швейцарские альпинисты Адольф Жюси и Вальтер Марти, они в 1958 году создали эксцентриковые зажимы и назвали своё изделие по начальным буквам своих фамилий — «Жумар» (*"JuMar"*).

подпрыгивала всё сильнее. Поскольку никто подо мной не придерживал её основание, я беспокоился, не получится ли так, что лестница соскользнёт в расщелину и сбросит меня в чёрную дыру.

Хотя я был пристёгнут к страховочной верёвке, неподвижные якоря в ледопаде обычно держатся только на одном ледобуре или колышке. Дополнительного крепежа не было, и я не слишком доверял якорям. Следующий шаг вверх вышел особенно неуклюжим, и рука не попала на перекладину. Я всё смотрел вниз и слишком много думал о возможном падении.

ГЛАВА 2

1977

Тёплый ветерок гоняет красные дубовые листья по лужайке у церкви. Над нашими головами высоко в небо Новой Англии вздымается белая башня церкви Святого Бернарда. Чтобы покрасить верхний ярус колокольни, папа отыскал самую большую приставную лестницу во всём Массачусетсе, высотой целых двадцать два метра, и одолжил её у своего приятеля-верхолаза, который специализировался на высотных работах в церкви. Алюминиевая лестница громадная, из трёх выдвижных секций, я такой раньше никогда не видел.

Когда задача кажется трудной, папа любит шутить, что для её решения потребуются «два сильных мужика и парнишка». Точь-в-точь, как у нас сегодня. Папе сорок пять, и он в отличной форме, ведь уже десять лет как занимается малярным делом по шесть дней в неделю. Его брат, мой дядя Боб, тремя годами моложе, он сохранил почти все мускулы и ловкость, благодаря которым был настоящей звездой в школьной футбольной команде *Concord High School*. В свои четырнадцать лет я ростом почти с отца, только более тощий. Мои пальцы вдвое тоньше, чем у него, и не покрыты мозолями, в отличие от его рук.

Огромная и прочная лестница весит больше 80 килограммов — поднимать её и устанавливать вертикально нам приходится втроем. Как только громадная серая стрела устремляется точно в небо, папа стабилизирует один боковой поручень нижней секции, я – другой, а дядя Боб изо всех сил тянет удлинитель. Мы вытягиваем среднюю секцию, затем шаткую третью

часть. Все вместе мы осторожно начинаем прислонять полностью выдвинутые секции лестницы к шпилью, но невероятную тяжесть накренившейся конструкции нам не удержать даже втроём. Верхушка лестницы с силой ударяется об обшивку колокольни, несколько раз подпрыгивает, а затем замирает.

— Ё-моё, ну и зверюга! — говорит папа.

Шаркая ногой по гладкому граниту дорожки, дядя Боб ворчит.

— Не нравится мне это, Джои.

— Да уж, скользкая, как замёрзшая сопля, — отзывается папа.

Боб привязывает болтающийся трос удлинителя к стальным перилам, закреплённым на пёстренькой гранитной лестнице, но он всё ещё недоволен.

— Может, нам с тобой лучше остаться тут, а наверх послать Джимми?

Дядя Боб излучает энергию, он наш самый ловкий работник, поэтому обычно наверх поднимается именно он. Папа смотрит на меня, потом на колокольню. Из двух братьев он более склонен к анализу. Прежде чем в 1963 году стать вместе с Бобом совладельцем малярной фирмы *Lincoln Painting Company*, папа десять лет проработал техником-электриком в компании *Bell Labs* и в фирме по производству микроволновых печей.

— Ты прав, — говорит папа. — Будет лучше, если основной вес останется поближе к основанию.

При весе всего 63,5 кг я тут самый лёгкий и понимаю, что подниматься придётся мне. Кроме папы и дяди Боба два других моих дяди тоже зарабатывают на жизнь малярным делом. Я лазаю по приставным лестницам с восьми лет. Уже седьмой год, как я работаю маляром летом, а также почти всякую субботу и в школьные каникулы.

Я чувствую себя уверенно на любой из принадлежащих нам лестниц, включая двухсекционную высотой пятнадцать метров. Но сейчас всё иначе. Если посмотреть сбоку, то видно, что прислонённая к колокольне лестница заметно прогибается в средней секции, а затем становится ещё более крутой в верхней трети. Папа наблюдает, как я хмуро смотрю на странный прогиб средней секции. Он говорит:

— Деформация заложена в конструкцию. Всё в порядке.

Мы не используем страховочные тросы, потому что они замедляют работу. От мысли о возможности долгого падения на гранит я нервничаю. Но папа с Бобом знают, что делают. Кроме того, я не хочу, чтобы обо мне плохо подумали. Итак, я готовлюсь.

Я завязываю по второму узлу на обоих шнурках. Чтобы инструменты не выпали из заднего кармана джинсов на людей внизу, выкладываю шпатель и отвёртку. Снимаю кепку с эмблемой команды *Bruins*¹, бросаю туда инструменты и кладу на траву.

Мы уже покрасили большую часть колокольни, дотягиваясь до нужных участков стен изнутри. Осталось покрыть краской только угловые участки. Дядя Боб протягивает мне ведёрко объёмом в четыре с половиной литра, в нём сантиметров десять краски. Кисть шириной десять сантиметров свисает на краю ведёрка с финишного гвоздя, наполовину вбитого в его деревянную ручку и согнутого в грубый полукруг. Я вешаю ведёрко на ремень, на специальный металлический крючок.

Папа упирается пяткой в землю, одновременно прикладывая носок ботинка к нижней части боковой перекладки. Он с силой проводит носком обуви по металлу, буквально размазывая резиновую подошву по основанию лестницы. «Подмазывая» её таким образом, он предотвращает скольжение по гладкой каменной плите. Боб точно так же уравнивает другую боковину. Я начинаю подъём и легко преодолеваю первую секцию, никаких проблем. Но чуть только добираюсь до слегка провисающей средней секции, как лестница с каждым моим шагом начинает подпрыгивать всё сильнее. Заложённая в конструкцию деформация ощущается так, словно перекладки вот-вот выскочат из вращающихся боковых направляющих. Я останавливаюсь, но лестница продолжает подпрыгивать и раскачиваться. Крепко вцепившись в неё обеими руками, я наклоняюсь вперёд.

— Тише, тише, спокойно, — кричит папа снизу.

— По-моему, она меня сейчас скинет!

¹ *Boston Bruins* — профессиональный хоккейный клуб, выступающий в НХЛ. Базируется в городе Бостон, Массачусетс, США.

Я смотрю вниз и вижу, что дядя Боб крепко вцепился в основание. Папа тоже удерживает лестницу ногой и обеими руками, но он смотрит на меня снизу вверх. Более мягко он говорит мне:

— Ставь ноги вплотную к боковинам.

Я потихоньку сдвигаю заляпанные краской кроссовки к противоположным концам ступеньки. Такой манёвр помогает: как только внешние края обуви упираются в боковины, движение лестницы замедляется. Я двигаюсь теперь более медленно и плавно, и вот уже раскачивающаяся средняя секция остаётся позади.

— Вот так лучше, — кричит папа.

Несмотря на крутизну, на самом верху третьей выдвигной секции я чувствую себя в большей безопасности, так как её конец упирается в шпиль церкви. Я смотрю направо и вижу родной город с высоты птичьего полёта. Фургоны и здоровенные седаны в самом центре Конкорда медленно проплывают по площади Монумент-сквер. Мама работает через два дома в страховой компании *Sentry Insurance*, напротив отеля *Concord's Colonial Inn*. На старом кладбище Олд Хилл рядом с церковью неровными рядами выстроились покосившиеся шиферные надгробия, высеченные за полвека до Войны за независимость.

Я лезу вверх и вот уже оказываюсь вровень с золотой кроной ближайшего клёна. Когда ветер кружит воздух, мимо меня пролетает дюжина жёлтых листьев, словно испуганные птицы. Движения становятся неуклюжими. Затем восходящий поток ветра, поднимающийся из бездны внизу, сотрясает лестницу и толкает меня. Я хватаюсь обеими руками за ступеньку и замираю в полутора метрах от некрашеной доски.

Мир вокруг меня превращается в распахнутую пустоту и долгое падение на гранитные плиты. Лестница почти исчезает, и все мои чувства словно захлёбываются криком, уверяя, что я рискую сорваться.

Громким и тонким голосом я кричу куда-то в середину лестницы.

— Тут страшно!

— Эй, послушай-ка! — хотя мы и дальше друг от друга, чем минуту назад, папин голос почему-то кажется громче. Я смот-